

Роберто Боланьо
Третий рейх

Roberto Bolaño
El Tercer Reich

Роберто Боланьо

Третий рейх

роман

Перевод с испанского

Валентина Капанадзе

издательство **астрель**

УДК 821.134.2(83)-31
ББК 84(7Чил)-4
Б79

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Боляно, Р.

Б79 Третий рейх : роман / РОБЕРТО БОЛЯНО ; пер. с исп. В. КАПАНАДЗЕ.
— М.: Астрель : CORPUS, 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-271-34003-1 (ООО “Издательство Астрель”)

Чилийского поэта и прозаика Роберто Боляно (1953–2003) называют одним из первых классиков мировой литературы XXI века. Он прожил всего пятьдесят лет и, хотя начал печататься в сорок, успел опубликовать больше десятка книг и стать лауреатом многих престижных наград, в числе которых очень почетные — премия Ромула Гальегоса, а также испанская “Эрральде”. Большая слава пришла к Боляно после выхода в свет романа “Дикие детективы” (1998). Уже после смерти автора был издан роман “2666” — он получил в 2004-м премию Саламбо как “лучший роман на испанском языке”, был признан Книгой года в Португалии, а газета *The New York Times* включила его в список 10 главных книг 2008 года.

Роман “Третий рейх” — одна из тех книг Боляно, что увидели свет после смерти автора, хотя относится он к числу ранних его произведений. Герой романа немец Удо Бергер вместе со своей невестой Ингеборг приезжает в каталонский курортный городок, где много лет назад отдыхал с родителями, но попадает в совершенно иной мир. Вопреки собственной воле, Бергер оказывается вовлеченным в странные и зловещие события и задается целью разгадать их смысл и доискаться до правды.

УДК 821.134.2(83)-31
ББК 84(7Чил)-4

ISBN 978-5-271-34003-1 (ООО “Издательство Астрель”)

- © 2010, The Estate of Roberto Bolano
All rights reserved
- © В. Капаназе, перевод на русский язык, 2010
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО “Издательство Астрель”, 2011
Издательство CORPUS ®

Содержание

20 августа	11
21 августа	18
22 августа	33
23 августа	46
24 августа	58
25 августа	71
26 августа	81
27 августа	92
28 августа	108
29 августа	134
30 августа	149
31 августа	157
1 сентября	165
2 сентября	172
3 сентября	179
4 сентября	183
5 сентября	190
6 сентября	199
7 сентября	208

8 сентября	226
9 сентября	230
10 сентября	239
11 сентября	249
12 сентября	258
Весна 1942-го	263
14 сентября	267
Анцио. Fortress “Europa”. Омаха-бич.	
Лето 1942-го	280
С Волком и Ягненком	285
Мои любимые генералы	301
Осень 42-го. Зима 42-го	305
17 сентября	311
18 сентября	320
19 сентября	329
20 сентября	335
21 сентября	348
22 сентября	355
23 сентября	361
24 сентября	364
25 сентября. Бар “Казанова”.	
Ла-Хонкера	370
30 сентября	372
Ингеборг	374
Ханна	376
20 октября	377
Фон Зеект	378
Фрау Эльза	380
Конгресс	381

Каролине Лопес

Обычно мы играем с гостями судьбы... Тут и коммивояжеры, и туристы, а месяца два назад мы посмели приговорить к двадцати годам тюрьмы даже одного немецкого генерала, он был здесь проездом с супругой. Только мое искусство спасло его от виселицы.

Фридрих Дюрренмат,
*“Авария”*¹

1   Перевод с немецкого Н. Бунина.

20 августа

Через окно доносится шум моря попеременно со смехом последних полуночников и еще какими-то звуками — наверное, официанты убирают со столов на террасе, а иногда слышно, как по Приморскому бульвару медленно едет автомобиль, и из соседних номеров долетают приглушенные и неразличимые голоса. Ингеборг спит; на ее лице застыло безмятежное выражение, кажется, ничто не способно нарушить ее сон. На ночном столике стоит стакан с молоком, к которому она не притронулась, теперь, должно быть, молоко уже согрелось; а рядом с подушкой из-под простыни высовывается книга о сыщике Флориане Линдене, из которой она осилила всего пару страниц, прежде чем погрузиться в сон. Со мною все обстоит наоборот: жара и усталость лишают меня сна. Обычно я хорошо засыпаю и сплю от семи до восьми часов ежедневно, правда, редко когда ложусь усталым. По утрам просыпаюсь свеженький как огурчик и ощущаю в себе прилив энергии, не иссякающей и после восьми и даже десяти часов активных действий. Насколько я себя помню, так было всегда; это часть моей

натуры. Никто не прививал мне этого качества, просто таков уж я от природы, и этим я не хочу сказать, что я лучше или хуже других; той же Ингеборг, к примеру, которая по субботам и воскресеньям встает не раньше двенадцати, а в остальные дни только после второй чашки кофе — и сигареты — способна до конца проснуться и отправиться на работу. Тем не менее в эту ночь усталость и жара не дают мне уснуть. А еще желание писать, изложить на бумаге события дня мешает мне нырнуть в постель и погасить свет.

Путешествие прошло без каких-либо помех, достойных упоминания. Мы сделали остановку в Страсбурге — красивый город, хотя я здесь уже не впервые. Обедали в подобию супермаркета на обочине автострады. На границе, вопреки тому, о чем нас предупреждали, нам не пришлось стоять в очереди, и буквально через десять минут мы оказались по ту сторону границы. Все произошло очень быстро и организованно. С этого момента за руль сел я, так как Ингеборг не очень доверяет местным автомобилистам, думаю, это связано с неприятным опытом, полученным на испанских дорогах много лет назад, когда она была еще девочкой и возвращалась после каникул со своими родителями. К тому же она, конечно, устала.

У гостиничной стойки нами занималась совсем молоденькая девушка, довольно свободно изъяснявшаяся по-немецки и без труда нашедшая нашу бронь. Все оказалось в порядке, и когда мы уже поднимались к себе в номер, я заметил в ресторане фрау Эльзу; я сразу узнал ее. Она накрывала на стол и что-то указывала стоявшему рядом с полным подносом солонки. На ней было зеленое платье, на груди красовалась металлическая табличка с эмблемой отеля.

Годы почти не изменили ее.

Увидев фрау Эльзу, я сразу вспомнил дни своего отрочества со всеми его темными и светлыми сторонами; в памяти возникли родители и брат, завтракающие на террасе гостиницы, музыка, которая с семи вечера начинала литься из ресторанных репродукторов на первом этаже, бессмысленные улыбки официантов, компании подростков моего возраста, собирающихся пойти искупаться вечером или отправиться на дискотеку. Какая же тогда у меня была любимая песня? Каждое лето появлялась новая, чем-то похожая на предыдущую, ее напевали и насвистывали бесконечно, до изнеможения, и ею же обычно заканчивались все дискотеки городка. Мой брат, который всегда весьма взыскательно относился к музыке, старательно отбирал перед началом каникул пленки, которые возьмет с собой; я же, наоборот, предпочитал, чтобы случай вложил мне в уши новую мелодию, неизбежную очередную летнюю песню. Мне достаточно было услышать ее пару раз, чисто случайно, чтобы мелодия потом сопровождала меня на протяжении всех каникул, наполненных солнцем и расцветенных новыми знакомствами. Знакомствами весьма недолговечными, если взглянуть на них из сегодняшнего дня, да и завязывались они лишь для того, чтобы снять с себя малейшие подозрения в том, что тебе скучно. Из всех этих лиц лишь несколько сохранились в моей памяти. В первую очередь это фрау Эльза, чье обаяние сразу же покорило меня, и я сделался мишенью шуток и насмешек со стороны родителей, причем они отпускали шпильки по моему адресу даже в присутствии самой фрау Эльзы и ее мужа, испанца, чьего имени я не помню, намекая на мнимую ревность и раннее созревание молодого поколения, чем окончательно вгоняли меня в краску, но одновременно пробудили во фрау Эльзе нежное дружес-

кое участие. С той поры мне казалось, что она относится ко мне много теплее, чем к остальным членам моей семьи. Еще вспоминаю, но уже в другой связи, Хосе (так ли его звали?), паренька моего возраста, который водил нас с братом в такие места, куда без него мы бы ни за что не попали. На прощанье, наверное уже догадываясь, что будущим летом мы не вернемся в “Дель-Мар”, брат подарил ему пару пленок с записями рока, а я — свои старые джинсы. Десять лет прошло, но я до сих пор помню слезы, выступившие на глазах у Хосе. Он сжимал в одной руке сложенные джинсы, а в другой пленки, не зная, что сказать или сделать, и все бормотал на английском, над которым брат постоянно потешался: прощайте, дорогие друзья, прощайте, дорогие друзья, в то время как мы говорили ему по-испански — мы довольно свободно изъяснялись на нем, недаром наши родители в течение многих лет проводили свой отпуск в Испании, — чтобы он перестал плакать, ведь на следующее лето мы вновь будем вместе, как три мушкетера. Мы получили две открытки от Хосе. На первую я ответил, подписавшись за себя и за брата. Потом мы про него забыли и больше никаких известий от него не получали. Был еще один мальчик из Хейльбронна по имени Эрих, прославившийся как лучший пловец сезона, и еще некая Шарлотта, предпочитавшая загорать вместе со мной, хотя именно мой брат сходил по ней с ума. Особняком стоит бедная тетя Гизела, мамина младшая сестра, отдыхавшая вместе с нами в “Дель-Мар” в предпоследнее лето. Больше всего на свете тетя Гизела любила корриду, и ее увлеченность этим зрелищем не знала границ. Незабываемая картина: брат лихо ведет отцовскую машину, я развалился рядом, курю, и никто даже слова мне не скажет, а тетя Гизела зачарованно любитесь с заднего сиденья торчащими внизу утесами в клочьях пены

и темно-зеленым морем, и на ее бледных губах играет довольная улыбка, а на коленях у нее три афишки, три сокровища, как доказательство того, что она, мой брат и я пообщались с великими мастерами корриды на барселонской арене. Родители, разумеется, не одобряли многие из увлечений тети Гизелы, которым она предавалась с такой страстью, не нравилось им и то, что она предоставляла нам чересчур много свободы, по их понятиям мы были еще дети, хотя мне тогда было почти четырнадцать. С другой стороны, я всегда подозревал, что это мы приставлены приглядывать за тетей Гизелой, и эту миссию тонко и деликатно, так, что никто об этом не догадывался, поручила нам мама. Как бы то ни было, тетя Гизела прожила с нами всего одно лето — предпоследнее из тех, что мы провели в “Дель-Мар”.

О чем-то другом помню очень мало. В памяти остался смех, то и дело вспыхивавший за столиками на террасе, огромные емкости с пивом, опустошавшиеся перед моим изумленным взором, потные смуглые официанты, притаившиеся в углу стойки и о чем-то переговаривающиеся вполголоса. Разрозненные образы. Радостно кивающий мне отец, мастерская, где выдавали напрокат велосипеды, пляж в половине десятого вечера, освещенный последними слабыми лучами солнца. Номер, который мы тогда занимали, был не похож на тот, что мы занимаем сейчас; не знаю, лучше он был или хуже, но другой: на более низком этаже и гораздо просторней, с четырьмя кроватями и широким, выходящим на море балконом, куда обычно перемещались после обеда родители, чтобы играть в свои бесконечные карточные игры. Не припомню, была у нас отдельная ванная или нет. Наверное, в какие-то годы была, в какие-то нет. Вот в нашем теперешнем номере имеется своя ванная, а кроме того — краси-

вый вместительный платяной шкаф, и огромная супружеская кровать, и ковры, и железный столик с мраморной крышкой на балконе, и два ряда штор, одни, внутренние, из зеленой материи, очень тонкой на ощупь, другие, внешние, из деревянных планок, выкрашенных в белый цвет, очень современные, и светильники с прямым и приглушенным светом, и замаскированные динамики, чтобы простым нажатием кнопки слушать музыку в FM-диапазоне... “Дель-Мар”, несомненно, шел в ногу с прогрессом. Конкуренты, судя по тому, что я успел увидеть из окна машины, проезжая по Приморскому бульвару, тоже не отставали. Появились незнакомые гостиницы, а на месте бывлых пустырей выросли многоквартирные дома. Конечно, все это лишь первые впечатления. Завтра постараюсь поговорить с фрау Эльзой и прогуляюсь по городку.

Изменился ли я сам? Несомненно: раньше я не был знаком с Ингеборг, а теперь приехал сюда с ней; мои дружеские связи стали более интересными и глубокими, взять хотя бы Конрада, который для меня все равно что брат и который прочтет эти страницы; теперь я твердо знаю, чего хочу, и у меня более широкие перспективы; я независим материально; в отличие от того, как это со мной часто случалось в пору отрочества, я никогда не скучаю. По мнению Конрада, отсутствие скуки есть главный признак здоровья. Если это так, то у меня должно быть превосходное здоровье. Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что переживаю лучший период своей жизни.

В немалой степени этим я обязан Ингеборг. Встреча с ней — это самое прекрасное из того, что со мной произошло. Благодаря ее нежности, приветливости, мягкости по отношению ко мне все остальное, то есть мои каждодневные усилия и козни завистников, приобретает иной

масштаб, позволяющий не избегать трудностей, а преодолевать их. Чем закончится наша связь? Я говорю об этом, потому что отношения между молодыми сегодня так хрупки. Не хочу долго об этом размышлять. Предпочитаю доброжелательность; хочу любить ее и заботиться о ней. Впрочем, если мы в конце концов поженимся, это еще лучше. Целая жизнь бок о бок с Ингеборг — можно ли мечтать о большем в плане чувств?

Время покажет. А пока ее любовь — это... Но не будем впадать в лирику. Эти дни отдыха станут также и рабочими днями. Надо попросить у фрау Эльзы стол побольше или два небольших стола, чтобы было где разложить игровое поле. Стоило подумать о возможностях, открывающихся благодаря моему новому началу, и о различных вариантах развития, которые могут быть использованы, как сразу захотелось тут же разложить игру и проверить это. Но я этого не сделаю. У меня хватает сил лишь на то, чтобы дописать еще несколько строчек; путешествие было долгим, и вчера я почти не спал, отчасти потому, что впервые начинались наши с Ингеборг каникулы, а еще оттого, что я вновь оказался в “Дель-Мар” после десятилетнего перерыва.

Завтра позавтракаем на террасе. В котором часу? Предполагаю, что Ингеборг встанет поздно. Установлены ли здесь определенные часы для завтрака? Не помню, мне кажется, что нет; в крайнем случае мы можем позавтракать в старом кафе в центре городка, где всегда полно рыбаков и туристов. Мы с родителями обычно питались в “Дель-Мар” и этом кафе. Существует ли оно еще? За десять лет многое может случиться. Все же надеюсь, что оно по-прежнему работает.

21 августа

Дважды разговаривал с фрау Эльзой. Обе встречи не слишком меня удовлетворили, я надеялся на большее. Первая состоялась часов около одиннадцати утра; незадолго перед этим я оставил Ингеборг на пляже и вернулся в гостиницу, чтобы урегулировать кое-какие вопросы. Фрау Эльзу я нашел за стойкой администратора, где она занималась датчанами, собиравшимися отбыть восвояси, судя по чемоданам и роскошному бронзовому загару, который они с гордостью демонстрировали. Их дети волочили по полу вестибюля огромные мексиканские сомбреро. Дождавшись, когда закончится прощание, сопровождаемое заверениями, что на будущий год они непременно вновь встретятся, я представился. Я Удо Бергер, сказал я, протягивая руку и восхищенно улыбаясь, и было отчего, ибо вблизи фрау Эльза показалась мне гораздо прекрасней и не менее загадочной, чем в моих отроческих воспоминаниях. Однако она меня не узнала. Пришлось долго объяснять ей, кто я такой, кто были мои родители, сколько сезонов мы останавливались в ее гостинице, и даже напомнить несколько забытых и довольно выра-

зительных историй, о которых в другой ситуации я предпочел бы умолчать. И все это время я торчал возле стойки, куда то и дело подходили постояльцы в пляжных костюмах (на мне самом ничего не было, кроме шортов и сандалий) и мешали моим усилиям заставить ее меня вспомнить. В конце концов она сказала, да-да, конечно, семья Бергеров из Мюнхена. Нет, из Ройтлингена, поправил я, хотя сейчас я живу в Штутгарте. Ну разумеется! — воскликнула она и добавила, что моя мать была обворожительная женщина; вспомнила и отца, и даже тетю Гизелу. Вы очень выросли и возмужали, произнесла она, как мне показалось, немного застенчиво, что почему-то привело меня в смущение. Вразумительного объяснения этому я не нахожу. Она спросила, сколько времени я думаю пробыть в городке и заметил ли я, как он изменился. Я ответил, что еще не успел ничего увидеть, так как приехал вчера довольно поздно, и что планирую пробыть здесь, то есть, разумеется, в “Дель-Мар”, две недели. Она улыбнулась, и на этом наш разговор закончился. В номер я поднялся немного не в себе, неизвестно почему; по телефону распорядился, чтобы мне доставили стол, особо указав, что он должен быть не менее полутора метров в длину. В ожидании перечитал первые страницы этого дневника; по-моему, вышло неплохо, особенно для начинающего. Думаю, что Конрад прав: повседневная обязательная или почти обязательная фиксация мыслей и событий каждого дня помогает такому случайному самоучке, как я, научиться мыслить, тренирует память, способствуя закреплению в ней четких, а не расплывчатых и небрежных образов, а главное, в некотором роде развивает его восприимчивость, те ее стороны, которые кажутся полностью сформировавшимися, хотя на самом деле это лишь зерна, ко-

торые могут прорасти или не прорасти в характер. Правда, изначально предназначение дневника сводилось к куда более практичным целям: поупражняться в письме, чтобы в дальнейшем ни неуклюжие обороты, ни убогий синтаксис не обесценивали находки, содержащиеся в моих статьях, что публикуются в специализированных журналах, число которых раз от разу растет, и стали в последнее время объектом разнообразной критики, будь то в форме писем в разделе “Почтовый ящик читателя” или в виде вычеркиваний и исправлений, сделанных рукой журнального редактора. Ни протесты, ни мое чемпионское звание не помогли избавиться от этой цензуры, которая даже не думала скрываться и чьим единственным аргументом были мои стилистические огрехи (как будто они сами хорошо владели пером). Справедливости ради должен сказать, что, к счастью, не все издания таковы; есть журналы, которые, получив мою статью, присылают любезный ответ, состоящий из двух-трех фраз, а спустя какое-то время публикуют мой текст безо всяких сокращений. Иные журналы рассыпаются в похвалах, это те, которые Конрад называет бергериянскими изданиями. На самом деле трудности возникают у меня только с частью штутгартской группы да с несколькими заносчивыми типами из Кёльна, у которых я когда-то сенсационно выиграл, и они до сих пор не могут мне этого простить. В Штутгарте издается три журнала, и во всех я публикуюсь; там мои проблемы решаются, как говорится, в семейном кругу. В Кёльне всего один журнал, но он более высокого полиграфического качества, распространяется по всей стране и к тому же, что немаловажно, выплачивает авторам гонорары. Они позволили себе даже такую роскошь, как редакционный совет, маленький, но профес-

сиональный, с весьма достойной ежемесячной зарплатой, за которую его члены делают все что хотят. Хорошо они это делают или плохо — я считаю, что плохо, — другой вопрос. В Кёльне я опубликовал два очерка, первый из которых, “Как победить в Битве за Выступ”¹, был переведен на итальянский и напечатан в одном миланском журнале, что принесло мне восхищенные поздравления друзей и позволило установить прямые связи с любителями из Милана. Опубликовано было, как я сказал, два очерка, но в обоих текстах я обнаружил небольшие изменения, перестановки и даже отсутствие целых фраз, выброшенных под предлогом нехватки места — и это при том, что все заказанные мной иллюстрации были сохранены! — и стилистическую правку, которой занимался некий субъект, которого я ни разу не видел, даже не разговаривал с ним по телефону, и всерьез сомневаюсь в его существовании. (Его фамилия не указана в журнале. Убежден, что этим мифическим редактором, как шитом, прикрываются члены редсовета, чтобы безнаказанно творить произвол в отношении авторов.) Но предел наступил, когда я представил третью работу: они просто-напросто отказались публиковать ее, хотя она была написана по их прямому заказу. Мое терпение лопнуло; почти сразу же после того, как было получено письмо с отказом, я позвонил заведующему редакцией, чтобы выразить свое удивление в связи с принятым решением и недовольство тем, что члены редсовета заставили меня впустую потратить уйму времени, хотя тут я слухавил: я никогда не считаю впустую потраченными часы, использованные на то, чтобы осветить проблемы,

1 Принятое в американской военно-исторической литературе название сражения Второй мировой войны, известного у нас как битва в Арденнах, или Арденнская операция (1944–1945).

связанные с данным типом игр, а уж тем более на то, чтобы поразмышлять об определенных сторонах какой-либо особо интересующей меня кампании и изложить все это на бумаге. К моему удивлению, заведующий редакцией обрушил на меня в ответ кучу оскорблений и угроз, которые я еще за несколько минут до этого считал бы невероятными в устах этого жеманного типа с носом, напоминающим утиный клюв. Прежде чем положить трубку — впрочем, первым бросил трубку он, — я пообещал, что при первой же встрече набью ему физиономию. Среди множества выплеснутых на меня оскорблений меня особенно задело его замечание по поводу моей якобы полной литературной беспомощности. Если спокойно поразмыслить, становится очевидно, что бедолага заблуждался, в противном случае почему же мои работы продолжают публиковать немецкие и даже некоторые иностранные журналы? Почему я получаю письма от Рекса Дугласа, Ники Палмера и Дейва Росси? Только из-за того, что я чемпион? Оценивая мое состояние — я отказываюсь называть его кризисом, — Конрад произнес решающее слово: он посоветовал мне забыть про типов из Кёльна (единственный порядочный кёльнец — это Хаймито, и он не имеет никакого отношения к журналу) и завести дневник, ведь никогда не лишне иметь возможность записывать каждодневные события и приводить в порядок разрозненные мысли и идеи будущих работ, а именно этим я как раз и собираюсь заняться.

Я с головой ушел в эти размышления, как вдруг в дверь постучали и появилась горничная, совсем почти девочка, которая на воображаемом немецком — в действительности единственным немецким словом было наречие “нет” — невнятно пробормотала несколько слов, и я, под-

напрягшись, в конце концов понял: она хотела сказать, что стола нет. Я объяснил ей на испанском, что стол мне абсолютно необходим, причем не абы какой, а минимум полутораметровый либо, на худой конец, два стола по семьдесят пять сантиметров, и нужно мне это немедленно.

Девушка удалилась, сказав, что постарается сделать все, что в ее силах. Через некоторое время она появилась вновь в сопровождении мужчины лет сорока, одетого в коричневые брюки, такие мятые, словно он в них спал, и белую рубашку с грязным воротом. Не представившись, он без разрешения зашел в комнату и спросил, для чего мне нужен стол; кивком подбородка он указал на имевшийся в номере стол, чересчур низкий и чересчур маленький для моих занятий. Я предпочел не отвечать. Натолкнувшись на мое молчание, он принялся объяснять, что не может установить два стола в одном номере. Не слишком рассчитывая на то, что я понимаю его язык, он время от времени сопровождал свои слова жестами, как будто описывал беременную женщину.

Устав от затянувшейся пантомимы, я сбросил на кровать все, что стояло на столе, и велел унести его и принести другой, который отвечал необходимым мне характеристикам. Мужчина не сдвинулся с места, он выглядел испуганным; девушка же, напротив, улыбнулась мне с симпатией. Вслед за этим я собственноручно поднял стол и вынес его в коридор. Мужчина последовал за мной, растерянно кивая мне и не понимая, в чем дело. Перед тем как уйти, он сказал, что найти по моему вкусу стол будет нелегко. Я подбодрил его улыбкой: все оказывается возможным, если постараться.

Вскоре позвонили из администрации. Незнакомый голос сообщил мне по-немецки, что нужного мне стола у них не оказалось. Не вернуть ли в комнату тот

стол, который стоял там изначально? Я поинтересовался, с кем имею удовольствие разговаривать. С дежурным администратором, ответил голос, сеньоритой Нурией. Самым убедительным тоном я объяснил сеньорите Нурии, что для моей работы, да-да, в отпуске я тоже работаю, мне абсолютно необходим стол, но не такой, какой стоял в номере, то есть не стандартный стол, какими, полагаю, оснащены все номера в гостинице, а чуть повыше и, главное, подлинней. По-моему, я не прошу чего-то сверхъестественного. В чем состоит ваша работа, господин Бергер? — спросила сеньорита Нурия. Вас это не касается. Вам нужно просто распорядиться, чтобы мне в номер доставили стол нужных размеров, и ничего больше. Администраторша начала заикаться, потом едва слышно сказала, что постарается что-нибудь сделать, и сразу повесила трубку. В этот момент ко мне вернулось хорошее настроение, я улегся на кровать и громко расхохотался.

Разбудил меня голос фрау Эльзы. Она стояла возле кровати и озабоченно глядела на меня своими необыкновенно яркими глазами. Тут я понял, что заснул, и мне стало стыдно. Я пошарил рядом рукой в поисках чего-нибудь, чем можно было бы прикрыться, — правда, очень медленно, словно до сих пор как следует не проснулся, — поскольку, хотя на мне и были шорты, ощущение было такое, будто я полностью голый. Как она сумела войти так, что я не услышал? Наверное, у нее есть ключ-отмычка от всех номеров отеля и она пользуется им без зазрения совести?

Я решила, что вы заболели, сказала она. Вам известно, что вы перепугали нашу администраторшу? А ведь она всего лишь следует гостиничным правилам и не обязана выносить бестактные выходки клиентов.

— В любой гостинице это неизбежно, — сказал я.

— Вы хотите сказать, что лучше меня осведомлены о моем бизнесе?

— Нет-нет, что вы.

— Тогда в чем же дело?

Я промямлил слова извинения и все никак не мог оторвать глаз от безукоризненного овала ее лица, на котором мне почудилась едва заметная ироническая улыбка, словно созданная мной ситуация казалась ей забавной.

У нее за спиной стоял стол.

Я приподнялся на постели и оказался на коленях; фрау Эльза не двинулась с места, чтобы дать мне его как следует разглядеть; но я и без того видел, что он именно такой, какой я хотел, если не лучше. Надеюсь, он придет к вам по вкусу, мне пришлось спускаться за ним в подвал, этот стол принадлежал матери моего мужа. В ее голосе по-прежнему проскальзывали насмешливые нотки: годится такой для вашей работы? Вы все лето собираетесь работать? Если бы я была такой же бледной, как вы, я бы целыми днями валялась на пляже. Я пообещал совмещать то и другое, пляж и работу, в разумных пределах. А на дискотеки по вечерам вы не будете ходить? Ваша спутница не любит дискотеки? Кстати, где она? На пляже, ответил я. Сразу видно, умная девушка, времени не теряет, сказала фрау Эльза. Я познакомлю вас с ней после обеда, если не возражаете, сказал я. Сегодня как раз возражаю, потому что скорее всего мне придется весь день провести за стойкой, сказала она. Я улыбнулся. С каждым разом я находил ее все более интересной.

— Вы тоже жертвуете пляжем ради работы, — сказал я.

Перед уходом она попросила деликатнее относиться к ее служащим.

Я поставил стол у окна, в самом удобном месте с точки зрения естественного освещения. Потом вышел на балкон и долго разглядывал пляж, стараясь различить Ингеборг среди загорающих полуголых тел.

Обедали мы в гостинице. Кожа у Ингеборг покраснела, она очень светлая, и ей не стоит сразу так долго находиться на солнце. Хорошо еще не получила тепловой удар. Когда мы поднялись к себе в номер, она спросила, откуда стол, и я начал объяснять ей — в совершенно спокойной атмосфере, я сидел за столом, она прилегла на кровать, — что попросил у дирекции заменить прежний стол на больший, так как хочу развернуть на нем игровое поле. Ингеборг взглянула на меня и промолчала, но в ее глазах промелькнуло неодобрение.

Не могу сказать, в какой момент она заснула. Ингеборг спит с полуоткрытыми глазами. Я на цыпочках принес дневник и стал делать записи.

Побывали на дискотеке “Древний Египет”. Ужинали в гостинице. Во время сиесты (как быстро перенимаются испанские обычаи!) Ингеборг говорила во сне. Это были отдельные слова: кровать, мама, шоссе, мороженое... Когда она проснулась, мы прошли по Приморскому бульвару, особо никуда не сворачивая, где нас подхватил нескончаемый поток сновавших взад и вперед пешеходов. Потом мы уселись на парапете и принялись болтать о том о сем.

Ужин был легким. Ингеборг переоделась. Белое платье, белые туфли на высоком каблуке, перламутровые бусы, волосы она собрала в нарочито небрежный пучок. Я тоже нарядился во все белое, хотя и не выглядел таким элегантным, как она.

Дискотека находилась в кемпинговой зоне, где также сосредоточены гамбургерные и рестораны. Десять лет назад здесь была всего пара кемпингов да сосновая роща, доходившая до самой железной дороги; теперь, как видно, это главная туристическая зона в городке. Оживленное движение на единственном здесь проспекте, протянувшемся вдоль моря, сравнимо с тем, что творится в больших городах в часы пик. С той лишь разницей, что здесь час пик начинается в девять вечера и раньше трех часов ночи не заканчивается. Толпа, шествующая по тротуару, пестра и космополитична: белые, черные, желтые, индейцы, метисы, — похоже, все расы договорились провести каникулы в этом месте, хотя, разумеется, не у всех у них каникулы.

Ингеборг вся сияла, и наше появление на дискотеке сопровождалось тайными взглядами присутствующих, в которых читалось восхищение. Восхищались ею, мне же завидовали. Я зависть на лету чую. В любом случае мы не собирались здесь долго оставаться. К несчастью, к нам тотчас же подседа немецкая пара.

Объясню, как это случилось: не могу сказать, что я без ума от танцев; да, я частенько танцую, особенно в последнее время, после того как познакомился с Ингеборг, но прежде я должен настроиться с помощью одной-двух рюмок и переварить, если можно так выразиться, ощущение необычности, возникающее из-за стольких незнакомых лиц в зале, который к тому же, как правило, еле освещен. Ингеборг же не испытывает ни малейшего смущения и готова тут же идти танцевать одна. Она может проторчать на площадке столько, сколько делятся две песни, вернуться за стол, отхлебнуть из своего бокала, возвратиться на площадку и плясать там всю ночь до полного изнеможения. Я уже к этому

привык. Пока она отсутствует, я думаю о своей работе и всяких бессмысленных вещах, или тихонько напеваю несущуюся из динамиков мелодию, или размышляю о загадочных судьбах аморфной массы и неясных лиц, что меня окружают; время от времени Ингеборг, далекая от моих мыслей, подходит и целует меня. Или появляется с новой знакомой или знакомым, как в этот вечер, когда она подвела ко мне немецкую пару, с которой едва успела перемолвиться несколькими словами во время топтания на танцевальной площадке. Словами, которых для людей, объединенных общим названием отдыхающих, достаточно, чтобы завязать нечто похожее на дружбу.

Карл — предпочитающий, чтобы его называли Чарли, — и Ханна родом из Оберхаузена; она работает секретаршей в фирме, где он трудится механиком; обоим по двадцать пять лет. Ханна разведена. У нее трехлетний сынишка, и она думает выйти за Чарли, как только это станет возможно; все это она рассказала Ингеборг в туалете, а та пересказала мне по дороге в гостиницу. Чарли любит футбол и вообще спорт и увлекается виндсерфингом: свою доску, о которой он рассказывает чудеса, он привез с собой из дома; оставшись со мной наедине, пока Ингеборг с Ханной танцевали, он спросил, каким видом спорта я занимаюсь. Я сказал, что люблю бегать. В одиночестве.

Новые знакомые много выпили. Ингеборг, по правде говоря, тоже. В таком состоянии договориться встретиться завтра ничего не стоит. Они живут в гостинице “Коста-Брава”, буквально в нескольких шагах от нашей. Мы договорились встретиться часиков в двенадцать на пляже, в том месте, где выдают напрокат водные велосипеды.

Ушли мы оттуда часа в два ночи. Но прежде Чарли поставил всем по последней; он был счастлив и сказал мне, что они живут в городке уже десять дней, но до сих пор ни с кем не познакомились: “Коста-Брава” заполнена в основном англичанами, а те немногочисленные немцы, что встречались ему в барах, либо были угрюмыми и нелюдимыми типами, либо появлялись исключительно мужскими компаниями, неподходящими для Ханны.

На обратном пути Чарли горланил песни, каких я отродясь не слышал, по большей части непристойные. В них говорилось о том, что он сделает с Ханной, как только окажется в номере, из чего я вывел, что он сам их сочинил, по крайней мере текст. Ханна, шедшая под ручку с Ингеборг немного впереди, встречала их смешками. Да и моя Ингеборг *тоже* хихикала. На миг я вообразил ее в объятиях Чарли, и меня передернуло.

По Приморскому бульвару гулял свежий ветерок, который помог мне прийти в себя. Народу здесь почти не было видно, туристы возвращались в свои гостиницы, пошатываясь либо распевая песни, а редкие машины медленно катили навстречу или в противоположном направлении, как будто весь мир окончательно устал или вдруг заболел и последние усилия людей были направлены на то, чтобы как можно скорее очутиться в постели, за закрытыми дверьми.

Когда мы пришли в “Коста-Брава”, Чарли приспичило продемонстрировать мне свою доску. С помощью эластичной ленты она была закреплена на крыше его автомобиля, припаркованного на открытой гостиничной стоянке. Ну как тебе? — спросил он. Я не усмотрел в ней чего-то особенного, доска и доска, каких тысячи. Признался ему, что ничего не понимаю в виндсерфин-

ге. Если хочешь, могу тебя научить, предложил он. Посмотрим, ответил я, избегая каких бы то ни было обязательств.

Мы отказались от предложения проводить нас до нашей гостиницы, и в этом пункте Ханна нас решительно поддержала. Но прощание все равно затянулось. Чарли был пьян больше, чем мне это поначалу показалось, и настоял на том, чтобы мы поднялись и посмотрели их комнату. Ханна и Ингеборг покатывались со смеху, слушая глупости, которые он изрекал, я же оставался невозмутим. Когда же наконец мы убедили его, что сейчас лучше всего поспать, он указал рукой на какую-то точку на пляже и бросился бежать туда, вскоре полностью растворившись в темноте. Вначале Ханна — которая наверняка привыкла к подобным шуточкам, — за ней Ингеборг, а потом, с большой неохотой, и я последовали за ним, и вскоре огни Приморского бульвара остались у нас за спиной. На пляже было слышно только, как рокошет море. Вдалеке, слева, я разглядел огни порта, куда однажды мы ни свет ни заря отправились с отцом, чтобы купить рыбы, но наша попытка оказалась неудачной: торговать ею, по крайней мере в те годы, начинали ближе к вечеру.

Мы стали звать Чарли. Но только наши голоса раздавались в ночи. Ханна по неосторожности ступила в воду и намочила брюки до самых колен. Она стала причитать, что морская вода губительна для атласных брюк. И тут Чарли отозвался наконец на наши призывы: он находился где-то посередине между нами и Приморским бульваром. Где ты, Чарли? — взвизгнула Ханна.

— Здесь я, здесь, идите на мой голос, — откликнулся он.

И мы снова зашагали в сторону гостиничных огней.

— Осторожно с велосипедами, — предупредил Чарли.

Словно глубоководные чудовища, водные велосипеды образовывали черный островок посреди окутывавшего весь пляж полумрака. Сидя на поплавке одного из этих странных средств передвижения в расстегнутой рубашке и с растрепанными волосами, Чарли поджидал нас.

— Я только хотел показать Удо точное место нашей за-втрашной встречи, — заявил он в ответ на упреки Ханны и Ингеборг, твердивших, какого страху они натерпелись, и обвинявших его в инфантильном поведении.

Пока женщины помогали Чарли подняться, я оглядел скопище велосипедов. Не могу сказать точно, что в них привлекло мое внимание. Возможно, то, как любопытно они были составлены, подобного способа я в Испании нигде не видел, хотя эту страну вряд ли можно назвать цитаделью порядка. Их расположение было по меньшей мере сумбурным и малопрактичным. Обычно служители, выдающие велосипеды напрокат, какими бы ненормальными или своевольными они ни были, все же ставят их нижней частью к морю и рядами по три или четыре велосипеда в каждом. Впрочем, встречаются и такие, кто располагает их передом к берегу, или одной длинной шеренгой, или вообще не выравнивает в линию, или оттаскивает их аж до самого парапета, отделяющего пляж от Приморского бульвара. Однако расположение этих велосипедов не подходило ни под одну категорию. Одни из них смотрели в сторону моря, другие — в сторону бульвара, хотя большинство было повернуто в направлении порта или кемпинговой зоны и в совокупности напоминало ошестинившегося ежа. Однако самое любопытное заключалось в том, что некоторые из них были подняты и удерживались в равновесии исключительно благодаря поплавкам, а один из велосипедов и вовсе был перевернут вверх тормашками, так

что его поплавки и лопасти смотрели в небо, а седла были утоплены в песок, и такое положение не просто казалось странным, но и требовало недюжинной физической силы, и не будь в их расположении некой странной симметрии, присутствия некой воли, исходившей в целом от этого скопления, наполовину прикрытого старым брезентом, я счел бы, что здесь порезвились хулиганы, шатающиеся по пляжам в ночное время.

Разумеется, ни Чарли, ни Ханна, ни даже Ингеборг не заметили в расположении велосипедов ничего ненормального.

Когда мы вернулись к себе в гостиницу, я полюбопытствовал у Ингеборг, какое впечатление произвели на нее Чарли и Ханна.

Приятные люди, сказала она. В общем, с кое-какими оговорками, я с ней согласен.